

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Все не так однозначно

Почему нынче то и дело приходится слышать эти слова? Потому что очень многое, что было определено плохим или хорошим, такую определенность теряет. Не раз за последнее время мы наталкивались на что-то дурное в хороших вещах, процессах, людях, но случалось и признавать, что у чего-то заведомо дурного открывались положительные стороны. Речь именно о том, что, не изменяя себе, можно обнаружить нечто неожиданное в окружающих людях, отношениях и вещах. Да, такие перемены происходили всегда, но сейчас они стали приметой времени, если не главной чертой, отличающей его от времен прошлых, в которых мы росли и из которых вынесли представления о том, как все должно быть.

Самое большое явление нынешнего времени, его главная отличительная черта – это то, чему общество с трудом

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

подбирает название. Слова «специальная военная операция» были выбраны для того, что в задуманном виде не состоялось, а превратилось во что-то совсем другое. Но и слово «война» для живущих в тылу, в глубине России чуждо, ведь для них за этим стоят страшные образы сгоревших городов и сел, гигантских танковых сражений, миллионов убитых и раненых. Словом, картины из книг и фильмов «про войну», которых они – в отличие от жителей Украины и более близких к ней российских территорий – не видят. Более того, миллионы россиян вообще не упоминают вышеназванные ассоциации и страхи: стало уже общим местом рассуждение – с осуждением или восхищением, – что жизнь в российских городах стала чуть ли не веселее прежней¹.

Разным высоким чинам в руководстве России начала XX века приписывают фразу «маленькая победоносная война будет нам очень кстати» относительно конфликта с Японией. Про нынешние события некоторые стратеги думали то же самое. Но получилась не маленькая, на момент написания этих строк не победоносная, однако тем не менее все равно пришедшаяся очень кстати. Ожил ВПК, некогда – основа советской экономики, если не всей жизни. Автору не раз приходилось приводить сказанные ему одним главным инженером проникновенные слова: «У нас ведь тут все стояло, люди бедствовали, но, слава богу, война началась, и все опять задышало, люди стали в семью деньги приносить».

Экономисты говорят: деньги, полученные сотрудниками оборонных заводов и сопряженных с ними производств, плюс деньги, выплаченные семьям за воюющих и за отвоевавших навсегда, сумели оживить экономику депрессив-

ных регионов. Эти средства, а также льготы для членов семей участников СВО привели к подвижкам в социальной структуре. Ускорила урбанизация: люди из малых населенных пунктов стали переезжать в более крупные, в лучшие условия быта, а в строительную отрасль пришли их ипотечные средства. У отечественного автопрома появились новые покупатели, а машина в семье поднимает социальный статус. В учебные заведения пришли дети из семей, которые раньше на такие заведения, а значит, в перспективе, и на более высокие социальные позиции не заглядывались.

Однозначной – а какой же еще? – была реакция тех сотен тысяч, кто бросился вон из России, лишь только была начата СВО, лишь только была объявлена «частичная мобилизация». Однозначной была их картина мира: вот Россия, совершившая этот шаг, вот Запад, единодушно ее осудивший. Туда и нам – этот шаг России не приемлющим – дорога. Однако выяснилось, что не всех и не везде на Западе принимают. Все не так однозначно. Перед многими эти ворота почему-то закрылись, но вдруг открылись те, о которых никто и не думал – не на Западе, а на Востоке, в бывших советских республиках, к которым особого уважения у большинства беглецов никогда не было. Так или иначе, этот побег, эта эмиграция, сперва столь решительно единые и однозначные, стали меняться: одни осели на новых местах, как они думают, навсегда, другие все ищут и не определились со своей судьбой, а кто-то стал помаленьку возвращаться – на неделю, на месяцы, насовсем.

Санкции, введенные против России разными странами, во многих случаях не дали ожидавшихся от них эффектов,

¹ См., в частности, наши рассуждения об этом: Левинсон А. *Страшный праздник* // Неприкосновенный запас. 2024. № 4 (156). С. 79–82.

зато принесли много неожиданных. Некоторые экономисты утверждают, что санкции обошлись их инициаторам дороже, чем ущерб, который они нанесли экономике России. А примеры Ирана и Северной Кореи говорят, что под санкциями можно жить. Но есть и другие аспекты.

Так, еще после присоединения Крыма энтузиазм и восторг миллионов, длившийся не месяцы, а годы, в немалой степени подогревался эмоциями по поводу санкций. Задуманные как наказание, как средство, которое заставит Россию осознать порочность/противоправность проводимой ею политики, они дали совсем другой результат: «санкции нам нипочем, только крепче будем», «санкции нам на пользу, свое производство наконец будем развивать» и так далее.

Есть еще один особо неоднозначный результат санкций. В советское время параллельно с государственной экономикой существовала экономика теневая. Затем, в период «первоначального накопления», в те самые «лихие 1990-е», экономическая и социальная жизнь, почти свободная от внешнего контроля, эти теневые практики во многом продолжила и развила. Далее предпринимались попытки поставить их под контроль, хотя и в более спокойные времена продолжала существовать «серая зона», где шли свои экономические и социальные процессы. Но, когда тиски санкций всерьез сжали уже вполне респектабельную российскую экономику, руководство страны дало отечественному бизнесу волю: многие теневые практики были декриминализованы, а госконтроль резко ослаблен. Российский бизнес не упустил такой возможности, сделав всю экономику более или менее «серой», но обеспечив ей – за счет миллионов «левых

схем», хитростей, уловок, умопомрачительных комбинаций, новых и, наоборот, давно забытых старых, законных, полукриминальных и прежде незаконных практик – временное спасение. Не верховенство закона спасло положение, не прозрачность и открытость, а совсем другие манеры и практики – и этот урок отечественная культура не забудет

В социальном аспекте тоже все неоднозначно. О войнах часто говорят, что они забирают лучших... Про СВО же с одобрением говорят, что с почином Пригожина, подхваченным официальными структурами, страна очищается от криминального элемента. А еще, польстившись на деньги, ушли на фронт те, кто был никчемным в обычной жизни. Зато те, кто сможет вернуться, будут теперь учить нас жить.

Одним из самых удивительных феноменов времени, отсчет которого начался в феврале 2022 года, является то, что страна будто не замечает, что она делает и что с ней происходит. Возможно, это осознание – новая однозначность, что есть добро, а что зло, – придет, лишь когда все кончится. Кто доживет, увидит. А пока в обществе совсем разное отношение к тому, стоило ли начинать СВО или нет. На вопрос, заданный «Левада-центром»² в октябре 2024 года, о том, будь у респондента «возможность вернуться в прошлое и отменить или поддержать начало военной операции в Украине», 40% ответивших приняли бы решение ее отменить, а 44% – поддержали бы ее начало. Среди молодых (18–24 года) за отмену выступают 50%, в поддержку – 31%. Среди пожилых (55 лет и старше) – почти в точности наоборот: 32% и 51% соответственно. В целом выходит примерно поровну: все снова неоднозначно.

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*